

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

**“Здоровье населения и развитие” (“Population, Public
Health and Development”)**

VII-я Международная научно-практическая конференция
молодых ученых, аспирантов и студентов

(23-24 апреля 2021 г.)

Труды конференции

Москва

2021

Труды 7-ой Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Здоровье населения и развитие» (23-24 апреля 2021 г.; Москва) // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. – 79 с.

Под редакцией академического руководителя магистерской программы «Население и развитие» к.э.н. В.А. Козлова, академического руководителя магистерской программы «Управление в социальной сфере» к.э.н. Е.В. Селезневой, доцента кафедры управления и экономики здравоохранения, ведущего преподавателя магистерской программы «Управление и экономика здравоохранения» к.с.н. Е.А. Тарасенко, доцента кафедры управлением развитием территорий и регионалистики к.э.н. О.Б Хоревой., профессора, ведущего преподавателя магистерской программы «Управление и экономика здравоохранения» к.э.н. И.М. Шеймана.

Компьютерная верстка – ведущий специалист ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России, аспирант НИУ ВШЭ Е.С. Замятина.

Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Students and Post-Graduate Students «Population, Public Health and Development» (April 23-24, 2021; Moscow) // National Research University «Higher School of Economics», 2021. - 79 p.

Edited by academic supervisor of the master's program «Population and Development», PhD in Economics V.A. Kozlov; academic supervisor of the master's program «Social Policy and Administration», PhD in Economics E.V. Selezneva; associate professor of the Department of Health Care Administration and Economics, leading teacher of the master's program «Health Care Administration and Economics», PhD in Economics E.A. Tarasenko; associate professor of the Department for Territorial Development Management and Regional Studies, PhD in Sociology O.B. Khoreva; professor and leading lecturer of the master's program «Health Care Administration and Economics» PhD in Economics I.M. Sheiman.

Computer layout – leading specialist of the Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, PhD student of the Higher School of Economics E.S. Zamiatnina,

Проблема оценки вклада потребления алкоголя в смертность в России

Замятнина Елена Сергеевна

Адрес: zamiatnina@mednet.ru

*ФГБУ «Центральный научно-исследовательский
институт
организации и информатизации здравоохранения»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,*

*аспирант Института демографии им. А.Г.
Вишневского Национального исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»*

Халтурина Дарья Андреевна

Адрес: khaltourina@mednet.ru

*ФГБУ «Центральный научно-исследовательский
институт
организации и информатизации здравоохранения»
Министерства здравоохранения Российской Федерации*

По данным Всемирной организации здравоохранения, потребление алкоголя – один из ведущих факторов риска для здоровья населения во всем мире. Потребление алкоголя, помимо непосредственно связанных с ним нарушений здоровья (например, алкогольных панкреатитов, алкогольных циррозов печени), повышает риски развития ряда онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, смерти от внешних причин – травм, насилия, дорожно-транспортных происшествий (Всемирная организация здравоохранения, 2018). По расчетам ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, в 2019 году в России

потребление этанола составило 10,8 литра на душу населения в возрасте 15 лет и старше, это один из самых высоких показателей в мире (Worldbank, 2020).

Ряд научных исследований показывает наличие сильной взаимосвязи между потреблением алкоголя и смертностью в России, в особенности среди мужчин трудоспособного возраста (Korotayev et al., 2018; McCartney et al., 2011; McKee et al., 2001; Nemtsov 2002; Neufeld and Rehm, 2013; Shkolnikov et al., 2004).

Важно, что в России этанол потребляется в основном в виде крепкого алкоголя (Rehm, 2006), и, кроме того, распространено эпизодическое потребление алкоголя в больших количествах (запой). По расчетам ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, в 2019 году крепкие напитки составляли 58% в структуре потребления этанола в России. Кроме того, треть от общего потребления алкоголя составляет незарегистрированное потребление, в основном представленное крепкими спиртами – самодельными напитками и суррогатами (самогон, асептолин, «боярышники») (Korotayev et al., 2020). Такой тип потребления алкоголя является наиболее опасным, как с точки зрения влияния на здоровье, так и с точки зрения поведенческих рисков.

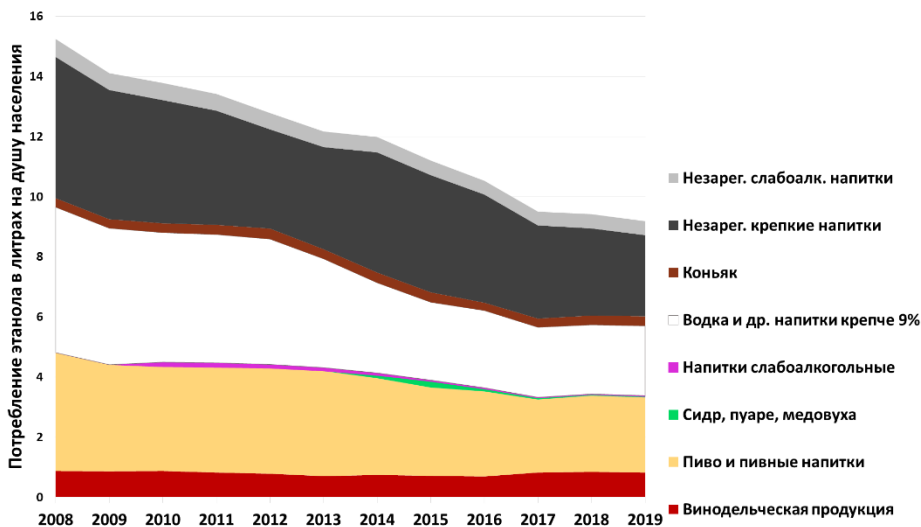

Рис. 1. Структура потребления этанола на душу населения в возрасте 15 лет и старше, в России в 2008-2019 гг., по расчетам ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России

В настоящее время существует ряд оценок вклада алкоголя в смертность в России. По расчетам международного исследовательского проекта «Глобальное бремя болезней», 18% смертей в России в 2016 году было связано потреблением алкоголя, а в возрастных группах 15-49 лет - 35% смертей мужчин и 20% смертей женщин (Starodubov et al., 2018). Кевин Шилд с коллегами оценил вклад алкоголя в смертность в России в 20% в 2016 году (Shield et al., 2020). П.О. Кузнецова приводит оценку вклада алкоголя в смертность в России в 13% для 2018 года (Kuznetsova, 2020; Кузнецова, 2020). В этих работах мы видим начало исследования вопроса вклада алкоголя в смертность в России, так как предполагаем наличие некоторого недоучета в этих оценках. В свою очередь, это, вероятно, результат

недооценки рисков, связанных с наиболее опасным типом потребления алкоголя, реализуемым в России, а также отсутствия надежных данных по связи алкоголя с сердечно-сосудистыми заболеваниями, составляющими заметную долю в российской смертности.

Оценка вклада алкоголя в российскую смертность на уровне 13-18%, существенно расходится, например, с данными судебно-медицинских экспертиз, опубликованных в форме научных работ. Доля умерших россиян, в биологических жидкостях которых по результатам судебно-медицинских экспертиз был обнаружен этанол, показывает крайне высокий вклад алкоголя в смертность от ряда причин. В представленной ниже таблице можно увидеть собранные из нескольких научных работ данные о доле умерших, в крови которых по результатам судебно-медицинских экспертиз был обнаружен этанол (Давыдова, Ягмуров, 2019; Саввина и др., 2019; Сапожников и др., 2018; Школьников, Червяков, 2000).

Табл. 1. Доля умерших, в крови которых по результатам судебно-медицинских экспертиз был обнаружен этанол, Россия (% от всех умерших от данной причины смерти, для которых была проведена судебно-медицинская экспертиза)

Причина смерти	Об а пол а	Муж	Жен	Регион
Переохлаждение	74	77	74	Чувашия
Асфиксия верхних дыхательных путей	74	78	53	Чувашия

Утопление	73	76	57	Чувашия
Авария	41	49	25	Чувашия
Убийство	67	79	58	Чувашия
Случайное отравление	-	74	-	Ижевск
Самоубийство	-	44	-	Ижевск
Смерть от воздействия экстремальной температуры	70	-	-	Санкт-Петербург
Заболевания системы кровообращения	37	38	35	Якутск
Внезапная сердечная смерть	44	46	38	Чувашия
Отравление угарным газом	78	79	68	Чувашия
Травмы головы	47	49	41	Чувашия
Кардиомиопатия	46	47	45	Якутск
Смерть от огня	-	67	-	Ижевск
Смерть от травмы, совершенной тупым предметом	68	-	-	Санкт-Петербург

Для некоторых причин смерти этот показатель превышает 70%, что позволяет нам предположить наличие недоучета вклада алкогольного фактора в смертность в России в современных научных работах. Точные оценки вклада алкоголя в смертность необходимы для формирования социальной политики, расширения законодательства в сфере урегулирования продаж алкоголя, развития мер в области общественного здоровья, организации здравоохранения.

Литература

Всемирная организация здравоохранения (2018). *Алкоголь*. Дата обращения: 10.04.2021. <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/alcohol>

Давыдова, З. В., Ягмуров, О. Д. (2019). Судебно-медицинская экспертиза алкоголь-атрибутивной смертности в Санкт-Петербурге. *Педиатр*, 10(2).

Кузнецова, П. О. Алкогольная смертность в России: оценка с помощью данных репрезентативного обследования. *Население и экономика* 4(3): 75–95. DOI 10.3897/popescop.4.e51653

Саввина, Н. В., Бессонова, О. Г., Борисова, Е. А., Колбина, Е. Ю., Калмаханов, С. Б., Гржибовский, А. М. (2019). Анализ потенциальной мисклассификации причин смерти от болезней системы кровообращения по данным бюро судебно-медицинской экспертизы в г. Якутске в 2007-2018 гг. *Экология человека*, (10).

Сапожников, С. П., Козлов, В. А., Кичигин, В. А., Голенков, А. В. (2018). Вклад алкоголя в смертность от внешних причин. *Экология человека*, (3).

Школьников, В. М., Червяков, В. В. (2000). Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. М.: ПРООН.

Korotayev, A., Khaltourina, D., Meshcherina, K., Zamiatnina, E. (2018). Distilled spirits overconsumption as the most important factor of excessive adult male mortality in Europe. *Alcohol and Alcoholism*, 53(6), 742-752.

Korotayev, A., Khaltourina, D., Shishkina, A., Issaev, L. (2020). Non-Beverage Alcohol Consumption In Izhevsk: 15 Years Later. *Alcohol and Alcoholism*. DOI: 10.1093/alcalc/agaal116.

Kuznetsova, P. O. (2020). Alcohol mortality in Russia: assessment with representative survey data. *Population and Economics*, 4, 75.

McCartney, G., Mahmood, L., Leyland, A. H., Batty, G. D., Hunt, K. (2011). Contribution of smoking-related and alcohol-related deaths to the gender gap in mortality: evidence from 30 European countries. *Tobacco control*, 20(2), 166-168.

McKee M, Shkolnikov V, Leon DA. (2001) Alcohol is implicated in the fluctuations in cardiovascular disease in Russia since the 1980s. *Ann Epidemiol* 11:1–6.

Nemtsov, A. V. (2002). Alcohol-related human losses in Russia in the 1980s and 1990s. *Addiction*, 97(11), 1413-1425.

Neufeld M, Rehm J. (2013) Alcohol consumption and mortality in Russia since 2000: are there any changes following the alcohol policy changes starting in 2006? *Alcohol Alcohol* 48/2:222–30.

Rehm, J., Taylor, B., Patra, J. (2006). Volume of alcohol consumption, patterns of drinking and burden of disease in the European region 2002. *Addiction*, 101(8), 1086-1095.

Shield, K., Manthey, J., Rylett, M., Probst, C., Wettlaufer, A., Parry, C. D., & Rehm, J. (2020). National, regional, and global burdens of disease from 2000 to 2016 attributable to

alcohol use: a comparative risk assessment study. *The Lancet Public Health*, 5(1), e51-e61.

Shkolnikov, V. M., Andreev, E. M., Leon, D. A., McKee, M., Meslé, F., Vallin, J. (2004). Mortality reversal in Russia: the story so far. *Hygiea Internationalis*, 4(1), 29-80.

Starodubov, V. I., Marczak, L. B., Varavikova, E., Naghavi, M. et al. (2018). The burden of disease in Russia from 1980 to 2016: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. *The Lancet*, 392(10153), 1138-1146.

Zaridze, D., Brennan, P., Boreham, J., Boroda, A., Karpov, R., Lazarev, A., Konobeevskaya, I., Igitov, V., Terechova, T., Boffetta, P. Peto, R. (2009). Alcohol and cause-specific mortality in Russia: a retrospective case–control study of 48 557 adult deaths. *The Lancet*, 373(9682), 2201-2214.

Worldbank. Total Alcohol Consumption Per Capita (Liters Of Pure Alcohol, Projected Estimates, 15+ Years Of Age).

Дата обращения: 10.10.2020.

<https://datacatalog.worldbank.org/total-alcohol-consumption-capita-liters-pure-alcohol-projected-estimates-15-years-age-1>